

the awareness of university graduates about the ways to reduce radioactive exposure and the possibilities of health monitoring, as well as about benefits and compensations provided for specialists working in contaminated areas. The results obtained can be used in the development of programs of measures aimed at retention of young specialists in the territories affected by the Chernobyl accident.

Keywords: employment; benefits and compensations; radionuclide-contaminated areas.

UDC 331.3-057.86(476):303.425.2

*Статья поступила
в редакцию 27. 12. 2021 г.*

ЛЮ ЯН

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ А. С. ПУШКИНА (КОНЕЦ 1820-х – 1830-е годы)

В статье исследуются философские мысли А. С. Пушкина, явно и завуалированно нашедшие отражение в его прозе 1820–30-х гг. Раскрыто понимание автором философских категорий «свобода», «равенство», а также сущность классовой борьбы и роль масс и отдельных личностей в формировании истории России. В статье определяется понимание А. С. Пушкиным места и судьбы России в мире, ее миссии и будущего развития. Раскрыто отношение поэта к проблеме угнетателей и угнетенных.

Ключевые слова: философия; философские взгляды А. С. Пушкина; свобода; равенство; миссия России в мире.

УДК 82-121

Новый подъем творчества А. С. Пушкина и лежащего в его основе философского поиска начинается с 1830 г. В этот период Пушкин не отказывается от темы «Россия и свобода», бывшей основной движущей силой всех его философских размышлений, и переводит раскрытие этой темы в русло проблематики «Россия и ее история». Отныне все направления пушкинского философствования вписываются в исторический контекст, но совсем иначе, чем в «Стансах» и «Полтаве», где поэт-философ сосредотачивается на личности Петра I как двигателе исторического процесса, ведущего Россию одновременно к европейскому будущему и великодержавному могуществу. Чтобы так изобразить Петра Великого, пришлось закрыть глаза на деспотическую сторону его правления и тот величайший уровень несвободы, в который он погрузил свою страну. Сосредотачиваясь в 30-е гг. XIX в. на философии истории России, Пушкин должен был ответить на вопрос, почему успехи России в противостоянии великим европейским державам требовали такой

Лю Ян (liuyang0917@hotmail.com 105), доктор философских наук, Институт иностранных языков Столичного педагогического университета (г. Пекин, Китай).

концентрации и мобилизации сил общества, которая предполагала отказ от гражданских свобод?

Приступая к созданию философии российской истории, А. С. Пушкин практически не имел предшественников. Понятие «философия» истории сформулировал и ввел в употребление Вольтер, влияние которого испытывали на себе все сторонники гражданских свобод в России, в том числе и Пушкин. Предшественником Пушкина в поэзии считался Гавриил Державин («старик Державин нас заметил и в гроб сходя благословил») [1, с. 83]. Державин писал льстивые оды Екатерине II и мало повлиял на Пушкина как философа. Его стиль поэзии изобилует старославянскими оборотами, тогда как Пушкин был реформатором русского языка, придавшим ему современное звучание. Но было во взглядах Державина нечто, на что мог опереться Пушкин. Отвечая на постоянные споры философов о том, добр или зол человек по своей природе, Державин настаивал на двойственной природе человека («Я царь, я раб, я червь, я Бог») [2, с. 322]. В стремлении исправить рабскую, животную природу человека Г. Р. Державин видел назначение государственного порядка, трактуя его как порядок самодержавный. Но Пушкина такая постановка вопроса явно не устраивала: он и его друзья связывали с культивированием рабской природы человека именно самодержавный государственный порядок.

Важной предпосылкой создания и развития пушкинской философии истории XIX в. были также дискуссии декабристов, отголоски которых доносились к нему в годы южной и северной ссылки через переписку с друзьями и участниками дворянской интеллектуальной элиты. Одним из важнейших источников романтических представлений декабристов об историческом процессе как процессе развития от несвободы к свободе наряду с чтением книг французских просветителей явились наблюдения европейской жизни, которые были почерпнуты во время заграничного похода русской армии после разгрома Великой армии Наполеона в России. Русские офицеры, представители дворянского сословия, проходя германские земли и французскую территорию, обосновавшись в Париже, с ужасом видели разительный контраст между уровнем и качеством жизни граждан западноевропейских государств и подданных Российской империи. Они отмечали относительно низкий уровень жизни своих сограждан, отсутствие свободы как низших, так и высших слоев общества, сравнивали покосившиеся хижины рабски зависимых крепостных крестьян с хозяйственными строениями германских бауэров и французских фермеров.

В 30-е гг. XIX в. Пушкин стал преодолевать ограниченность декабристских взглядов на историю. Он предпринял широчайший и очень глубокий анализ различных ракурсов российской истории. Сословная принадлежность Пушкина и его образ жизни также не могли не накладывать отпечатка на его философию истории. Пушкин с презрением относился к «торгашескому» духу современного ему российского купечества, проигрывал в карты значительные суммы денег, неэкономно растрачивал полученные от журналов гонорары, заводил большие долги. В то же время он занимался своеобразным предпринимательством, издавая журнал «Современник», размещая в различных изданиях свои произведения («Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать») [3, с. 170]. Он был человеком своего времени, но опережал его на столетия благодаря универсальному подходу к философскому исследованию истории и тенденций развития России, ведущих в будущее.

Пушкин прекрасно осознавал значение философского знания для развития страны, ставшее очевидным для него на примере роли просветительской философии в истории Франции. Писал о том, какова цель его усилий в творческом осмыслении истории России («В просвещении стать с веком наравне»)

[4, с. 68]. Приступая болдинской осенью к созданию ряда драматических произведений, Пушкин отметил значение философии в группе факторов, которые обладают наибольшей важностью в его собственном творчестве: «Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого рассудка любимой мысли. Свобода». Он не только поставил философию на первое место, но и всем прочим перечисленным факторам придал философское содержание.

Философский метод Пушкина предполагал учет двойственной природы российской истории, постоянное наличие в этой природе противоречивых, даже взаимоисключающих тенденций парадоксального сочетания европейской и азиатской направленности развития, стремления к свободе и порядку, основанного на принуждении, единовластия и безвластия, монархии и анархии, военной мощи и хозяйственной отсталости, просвещенной культуры и управленческого варварства и т. д.

Обращаясь к философии истории, Пушкин изменил и жанровое своеобразие своего творчества. Он почти перестал писать стихи. Рифмованная и ритмизированная короткая фиксация впечатлений, которой он занимался с лицейского возраста, для философско-исторического исследования не годилась. Жанр поэмы типа «Полтавы» также не подходил, так как грешил односторонностью в оценке деяний конкретной исторической личности Петра I и чем-то напоминал оды М. В. Ломоносова и «Фелицу» Г. Р. Державина. Нельзя было проникнуть в столь сложную историю, как история России, сплетая слово-словящий выкрик типа: «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс!». Нужно было проникнуть в суровую двойственность бытия в его сплетение добра и зла, общественной пользы и эгоистического властолюбия, подвига и преступления. Для философско-исторического исследования, проводимого в художественной форме, нужен был шекспировский стиль воспроизведения событий, их причин и действий исторических лиц.

В 30-е гг. XIX в. А. С. Пушкин переходит главным образом на создание драматических и прозаических произведений, а также трудов исторического характера. В своих художественно-философских исследованиях он использует мысленный эксперимент, абстрагирование, моделирование ситуаций, анализ тенденций, характеристику личностей — все средства, которые применимы в чисто философских трактатах; но и в драматургии, и в прозе, и в историческом исследовании он остается поэтом, создающим философию в образах, проникающим в мысли и чувства людей, творящих историю. Первым произведением такого рода была трагедия «Борис Годунов». Она создавалась еще в Михайловском с 1824 по 1825 г., но в публичное пространство вследствие цензурных ограничений вышла в 30-е гг. XIX в. Замысел трагедии был связан именно со стремлением создать произведение в шекспировском духе на русском историческом материале, с характерной для У. Шекспира театрализацией и философскими размышлениями («Весь мир — театр») [5, с. 81].

Трагедия «Борис Годунов» была написана для постановки в театре, но из-за цензурных запретов при правлении Николая II ее публичная постановка в театре была невозможна. Пушкину удалось впервые опубликовать ее в 1831 г., но с множеством цензурных искажений и сокращений. Трагедия состояла из 23 сцен, каждая из которых содержала небольшое отдельное произведение с вложенным в него особым философским смыслом. По ходу действия эти минипроизведения сплетались в единое целое и доносили до читателя и зрителя понимание общего концептуального смысла произведения, которого цензура так и не поняла или не захотела понять. Факты для написания Пушкин брал из только что вышедших томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, но полностью поменял верноподданническую трактовку

этих фактов на собственную, неизмеримо более глубокую и верную трактовку с позиций просветительского историзма.

Суть такого типа историзма, зачинателем которого был Вольтер, связана со стремлением избавиться от застарелых предрассудков, проникнуть светом разума в природу власти, выявить недостатки и пороки абсолютной власти, ее склонность к преступлениям ради обретения, удержания и обладания ею, показать непрочность механизма ее осуществления при кажущейся незыблемости властных полномочий, обосновать преимущества ученого и гуманного правления. Все это Пушкин заложил в свою трагедию.

В начале трагедии народ проявляет себя всего лишь как толпа, не понимающая происходящего, инертная, занятая только собственным выживанием, такая, что ее можно заставить по приказу радоваться или плакать, стихийно принимать настроение окружающей массы людей, очутившихся на площади («О чем там плачут?...А как нам знать? То ведают бояре, не нам чета... Все плачут, заплачем, брат, и мы») [6, с. 274]. Но раскол элиты и сомнения в легитимности действующей власти вовлекают народ в политику, поднимает часть народа на бунт в поддержку любого самозванца. Такое поведение массы Пушкин рассматривал и на модели другого самозванца — Емельяна Пугачева, принявшего титул «воскресшего» царя Петра III. А вот при восстании образованной элиты в 1825 г. Пушкин отмечал инертность народного окружения. Моделируя поведение народа в экстраординарных обстоятельствах и конфликтах легитимности власти, Пушкин как мыслитель отмечал двойственность, противоречивость поведения народных масс, их колебания и переходы на ту или иную сторону в условиях кризиса легитимности.

Такое понимание цикличности поведения народных масс и представителей элиты в истории России сделало Пушкина величайшим из исторических мыслителей России. Это позволило ему пророчески прогнозировать катаклизмы и революционные «землетрясения», которые свершились через многие десятилетия после его смерти, в совершенно другие исторические эпохи («Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет, не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный») [7, с. 212]. История России циклически повторяется, и это позволило Пушкину стать философским провидцем регулярно наступающих как взлетов, так и бедствий.

Пушкин вовсе не идеализирует народ, но и не презирает его. Он прекрасно понимает непросвещенность народных масс, их подверженность эмоциям, неспособность задуматься о последствиях стихийно принимаемых решений, их готовность поддержать любого самозванца, который обещает им ослабление гнета и «власти роковой». В трагедии «Борис Годунов» предок автора — сторонник самозванца Гаврила Пушкин — говорит полководцу Борису Басманову о бесполезности сопротивления новому царю («Не знаешь ли, чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою помощью, а мнением, да! мнением народным») [8, с. 92].

Трагедия Бориса Годунова, согласно Пушкину, не только в муках совести от того, что он пробил себе дорогу к трону жестоким преступлением, приказав убить царевича Дмитрия. Подобно Макбету у Шекспира, он этим первоначальным преступлением запустил цепь событий, которые заставляли его ради удержания власти совершать новые преступления и жестокости. Он отменил Юрьев день, введя тем самым крепостное право, держал народ в угнетении, темноте и невежестве, при этом упрекая его в неблагодарности и за те благодеяния, которые якобы были оказаны народу в голодные неурожайные годы. Проявления народной любви к жесточайшему из тиранов Ивану Грозному убедили Годунова, что жестокость отношения к подданным — залог их ува-

жения к власти. Но погрязнув в преступлениях, ощущая падение духа («Да, жалок тот, в ком совесть нечиста»), находясь в постоянно угнетенном состоянии («И мальчики кровавые в глазах»), испытывая лишь тяготы от своего высокого положения («Тяжела ты, Шапка Мономаха!»), царь Борис надеется на историческое оправдание в позитивном продолжении своего правления после наследования власти своим сыном Федором. Он надеется, что свободный от тяготеющих над ним злодеяний, склонный к учению и усвоению знаний, Федор станет просвещенным монархом и искупит его вину перед Богом и людьми («Учись, мой сын, и легче, и яснее державный труд ты будешь постигать») [9, с. 67].

Несмотря на драматургическую краткость, трагедия «Борис Годунов» А. С. Пушкина представляет собой настоящую художественно-философскую эпопею, не менее содержательную, чем «Война и мир» Льва Толстого. Пушкин хотел продолжить тему трагедии и написать продолжение, составив драматургическую трилогию о Смутном времени, но цензурные условия заставили его отказаться от этого замысла.

Пушкин обратился к окончанию романа в стихах «Евгений Онегин», работа над которым затянулась на восемь лет (9 мая 1823 — 5 октября 1831 г.). Это произведение тоже своего рода эпопея, энциклопедия жизни дворянской молодежи после разгрома движения декабристов. Пушкин начал роман в стихах с намерения изобразить своего современника, типичного представителя эпохи, но развитие сюжета превратило роман в замаскированное обвинение николаевской эпохи, которая отняла у молодежи цель и смысл жизни, погрузила ее в постоянную скуку, «русскую хандру», существование на грани депрессии, спасение от которой можно найти только в поиске телесных удовольствий. Эту скрытую иронией философскую идею романа не поняли не только цензоры, но и большинство читателей, в том числе и наши современники. Образ «героя нашего времени» после гибели Пушкина подхватил и развил М. Ю. Лермонтов.

Главный герой романа Евгений Онегин — одновременно и «типичный образ в политических обстоятельствах», и очень нетипичный герой Пушкина. В отличие от Чацкого из «Горе от ума» А. С. Грибоедова он вовсе не борец с предрассудками закосневшего общества, не обличитель его пороков. Он принимает общество таким, какое оно есть, и вполне уживается с этими предрассудками, даже подчиняется им. Онегин по-своему презирует патриархальные права и «общественное мнение» светского общества, в котором вращается, но вынужден считаться с ним в своих действиях и поступках. Трезво мыслящий и холоднокровный эгоист, он зло подшучивает над нежной и романтической любовью своего друга поэта Ленского, а когда получает вызов на дуэль, убивает его, угождая мнению света о чести дворянина. Он не способен оценить чистой первой любви прекрасной девушки Татьяны, открывшейся ему в письме. И только когда она стала «светской львицей», он воспылал к ней страстью. За вольтеровской иронией Пушкина скрыта тревога за будущее России, общество, которое порождает таких героев и состоит из подобных ему. Главная философская мысль романа: история остановилась и приспособилась к этой обстановке, герои эпохи становятся антигероями.

В 1830 г. во Франции произошла новая революция, которая свергла реакционный режим Реставрации. К власти пришло буржуазное правительство во главе с королем Луи-Филиппом, представителем младшей орлеанской династии Бурбонов. Николай I призывал организовать совместный поход России и германских государств против Франции, но заключение союза правительства Луи-Филиппа с Британией и противоречия внутри Священного союза не позволили этого сделать. События 1830 г. во Франции сказались на всей Европе

и вызвали волнения в польских землях Российской империи. Николай I подавил эти выступления, но жестокость репрессий вызвала гневное возмущение в прессе Франции и Англии. А. С. Пушкина возмутила эта поддержка польской шляхты, добивавшейся разрыва целостности Российской империи. Он дал отповедь «глумящим» европейским государствам и требовал невмешательства во внутренние дела России и в «спор славян между собой». Произшедшие события заставили его философскую рефлексию обратиться к проблеме «человек и государство», чтобы показать, как непреодолимая сила государства прогибает и искажает внутренний мир личности. Сделать это по условиям цензуры можно было только в абстрактной, чисто символической форме.

В 1833 г. он написал поэму «Медный всадник», которая явилась как бы ответом на поэму Адама Мицкевича «Дядя», в которой содержались негативные характеристики деятельности Петра I, созданного им Петербурга как образца искусственного воплощения царской воли и всей российской государственности. Пушкин в уважительной, дружелюбной манере выражал несогласие с нападками Мицкевича, защищая свою концепцию двойственности основ российской государственности, сочетание величия державных замыслов Петра, воплощенных в Петербурге, и строение великой империи, и трагедии человека, испытывающего на себе тяготы имперского могущества. Поэма начинается с прославления Петербурга как символа России, ее стремления к прогрессу, «окна в Европу», а не «города казармы», символа угнетения покоренных народов, источника агрессии, каким его изобразил Мицкевич. Пушкин изображает Петра, стоящего «на берегу пустынных волн» и продумывающего грандиозный замысел строительства на болотах и топях, на своенравной, разливающейся Неве, где сама природа стихийно сопротивляется усилиям человека, города, заслуживающего любви («Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение...») [10, с. 52].

Как сказывается стремление России к державному величию на судьбах конкретных, в том числе «маленьких» людей, страдающих от этого вечного стремления к величию? Они ведь страдают не только от наводнений Невы, но и от вечного перенапряжения человеческих сил, которым достигается эта погоня за государственным величием, от закабаления человека бездушной государственной машиной, для которой человек — только средство для достижения величественных, но утопических целей. Вот что хочет сказать Пушкин, но не может, поскольку и сам страшится подобных обобщений, поскольку цензуру поэмы осуществлял сам царь Николай I, первым прочитавший текст и внесший в него неприемлемые для поэта-философа изменения. Вследствие этого Пушкин так и не напечатал поэму при своей жизни, а в самой поэме ограничивался лишь намеком на «крамольные» мысли, только рассказом о гибельных последствиях большого наводнения.

Главный герой поэмы Евгений — обычный, простой гражданин Петербурга, один из тех, жизнь которых загублена разливом «державной» Невы. Возможно в выборе и его имени Пушкиным содержится намек на то, что это тоже герой своего времени, только другой, чем его тезка Онегин. Мечта Евгения — прожить тихой, непрехотливой жизнью с любимой девушкой, его невестой, неустанно трудясь на благо отечества. Он молод, полон сил, служит мелким чиновником, мало зарабатывает, но надеется прокормить семью, получив повышение по службе. Но все его планы рухнули. Описание бунта Невы содержит намек на народное восстание, на пугачевщину, которой Пушкин посвятил историческое исследование. Потеряв все, чем он жил, не выдержав ужаса катастрофы и гибели невесты, Евгений сходит с ума. Ему является медный всадник и преследует его. Основная философская концепция поэмы позволяет взглянуть на деяния Петра I, основателя империи, с другой ранее

проигнорированной Пушкиным стороны. Медный всадник, символизирующий несокрушимую мощь империи, несет в себе угрозу для жизни ее граждан. Он тянет Россию в неведомое и опасное будущее («Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта? О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной на высоте, густой железной Россию поднял на дыбы?») [11, с. 75].

Пушкин закончил роман в 1836 г., написав его по существу на запрещенную тему. По первоначальному замыслу главным героем он хотел сделать реальное лицо — офицера гренадерского полка Михаила Ивановича, перешедшего на сторону Пугачева и после подавления восстания сосланного на вечное поселение в Сибирь. Чтобы как можно более достоверно осветить события восстания, Пушкин выезжал в Оренбургскую губернию для сбора материалов от очевидцев. Одновременно с «Капитанской дочкой» он писал «Историю Пугачева». Для избежания цензурных запретов он заменил реального героя Шванвича на вымышленного — Петра Гринева. Чтобы уловить философские обобщения в тексте «Капитанской дочки», необходимо хорошо знать эволюцию взглядов Пушкина. Повествование в романе ведется от лица Гринева как участника и очевидца описываемых событий, подающего их через собственное субъективное восприятие.

Образ Пугачева в романе очень далек от того образа злодея и разбойничьего атамана, которым изображала его дворянская публицистика. Это явление рока, тяготеющего перед Россией. Он, конечно, самолюбивый авантюрист и тиран, поддерживающий свой престиж массовым террором по отношению к власти имущим. Захватив плохо защищенные захолустные крепости и осадив Оренбург, он уже готовится к походу на Москву, подобно своему историческому предшественнику Григорию Отрепьеву, но одновременно он бесшабашный удалец, один из тех героев, которые известны из народных сказаний и былин. Он прекрасно понимает гибельность своей исторической миссии, заливая свою тревогу неумеренным употреблением алкоголя, но обладает трезвым взглядом на свое окружение. Его «фельдмаршалы» Белобородов и Хлопуша грызутся между собой и в случае поражения готовы его предать. Он проявляет великодушие по отношению к Гриневу и его невесте не из самовластной прихоти, а исходя из присущего русскому народу, по мысли Пушкина, доброго начала, природного тяготения к помощи страждущим.

Пушкин очень осторожно коснулся проблемы широкой народной поддержки Пугачева, отметив, что где бы не появлялся Пугачев после поражения его войска под Оренбургом, восстание вспыхивало вновь («Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки...»). Мы узнали о разорении сибирских крепостей... о взятии Казани и о походе самозванца на Москву. Каков же был итог счастливого брака романтических героев Петра и Маши? Пушкин сообщает, что в Сибирской губернии есть деревня, принадлежащая десяти помещикам, их потомкам. Таков итог счастливого окончания страданий влюбленных. Они лишь пополнили число помещиков, существование которых обеспечивает 300 душ крепостных крестьян, которые на них работают. Роман Пушкина о Пугачеве был опубликован в том же 1836 г., в котором был написан. Цензура не заметила философских размышлений и тревог Пушкина, составляющих суть исторического романа и «спрятанных» в феерической смене событий. Выстраивая в художественных образах постоянно тревожившую его историческую триаду «Григорий Отрепьев — Степан Разин — Емельян Пугачев», Пушкин находил истоки этой триады в структуре российской государственности и предупреждал читателей об опасности и даже закономерности ее продолжения. До последних дней жизни эта тема продолжает волновать Пушкина, отражаясь в его письмах и дневниках.

В своем итоговом стихотворении «Памятник», написанном вскоре после публикации «Капитанской дочки», по мотивам произведения римского поэта Горация, Пушкин связывает долговечность своего нерукотворного памятника и своего вклада в историю России с народным признанием, с пробуждением в народе добрых чувств и с тем, что он в «След Радищеву восславил... свободу», как было сказано в первоначальном наброске. Затем по цензурным соображениям он заменил упоминание о Радищеве словами «в мой жестокий век». Этим указанием на основное с его точки зрения значение своих произведений и усилия по освобождению «падших» декабристов, он явно стремился разрушить миф о Пушкине-реакционере и царском угоднике, который уже складывался на основе вынужденных в этот «жестокий век» его уступках феодально-крепостническому режиму Николая I.

Выводы. В 30-е гг. XIX в. философские взгляды А. С. Пушкина продолжают развиваться и совершенствоваться на путях перехода его творчества от романтизма к реализму. Основой этих взглядов продолжает оставаться рефлексия над особенностями исторического пути России и ее художественное выражение в драматургии, в стихах и прозе. Основной проблемой, поднятой Пушкиным в свое время и продолжающей оставаться актуальной, остается проблема взаимоотношений власти, человека и народа. В 1830-е гг. художественно-философское исследование этой проблемы и пушкинская концепция просвещенного и ответственного правления ставятся уже на новом уровне, связанном с достижениями пушкинского реализма и историзма. Мощь пушкинских философско-исторических размышлений и прозрений позволяет не только проникнуть в суть исторических событий прошлого, но и предвидеть пути развития России в будущем и предупредить о возможных последствиях «жесточкого века» правления Николая II.

Литература

1. *Лотман, Ю. М.* Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX в. / Ю. М. Лотман // Собрание сочинений. — Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. — М., 1998. — С. 231—239.
1. *Lotman, Ju. M.* Ideja istoričeskogo razvitija v ruskoj kul'ture konca XVIII — nachala XIX v. [The idea of historical development in Russian culture at the end of the 18th — beginning of the 19th century] / Ju. M. Lotman // Sbornie sochinenij. — Т. 1: Russkaja literatura i kul'tura Prosveshhenija. — М., 1998. — Р. 231—239.
2. *Белый, А. А.* Разговор о «Памятнике» / А. А. Белый // Москов. пушкинист. — VII: Сборник. — М.: Наследие, 2000. — 400 с.
2. *Belyj, A. A.* Razgovor o «Pamjatnike» [Conversation about the «Monument»] / A. A. Belyj // Moskov. pushkinist. — VII: Sbornik. — М.: Nasledie, 2000. — 400 p.
3. *Фаритов, В. Т.* Память и историчность как экзистенциальные мотивы пушкинской поэзии / В. Т. Фаритов // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — 2016. — № 3 (41). — С. 170—181.
3. *Faritov, V. T.* Pamjat' i istoričnost' kak jekzistencial'nye motivy pushkinskoj poezii [Memory and historicity as existential motives of Pushkin's poetry] / V. T. Faritov // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologija. — 2016. — N 3 (41). — P. 170—181.
4. *Беляк, Н. В.* «Маленькие трагедии» Пушкина / Н. В. Беляк, М. Н. Виrolajнен. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 208 с.
4. *Beljak, N. V.* «Malen'kie tragedii» Pushkina [Pushkin's «Little Tragedies»] / N. V. Beljak, M. N. Virolajnen. — SPb.: Azbuka-klassika, 2008. — 208 p.
5. *Эпштейн, М. Н.* Фауст и Петр на берегу моря: от Гете к Пушкину / М. Н. Эпштейн // Слово и молчание: Метафизика русской литературы. — М., 2006. — С. 62—85.
5. *Jepshtejn, M. N.* Faust i Petr na beregu morja: ot Gete k Pushkinu [Faust and Peter on the seashore: from Goethe to Pushkin] / M. N. Jepshtejn // Slovo i molchanie: Metafizika ruskoj literatury. — М., 2006. — P. 62—85.
6. *Мережковский, Д. С.* Вечные спутники / Д. С. Мережковский. — СПб.: Наука, 2007. — 902 с.

Merezhkovskij, D. S. Vechnye sputnik [Eternal companions] / D. S. Merezhkovskij. — SPb. : Nauka, 2007. — 902 p.

7. *Васютинский, Н. А.* Золотая пропорция / Н. А. Васютинский. — М. ; СПб. : ДИЛЯ, 2006. — 367 с.

Vasjutinskij, N. A. Zolotaja proporcija [Golden proportion] / N. A. Vasjutinskij. — M. ; SPb. : DILJa, 2006. — 367 p.

8. *Вольперт, Л. И.* Пушкинская Франция / Л. И. Вольперт. — 2-е изд., испр. и доп.; интернет-публикация. — Тарту, 2010. — 570 с.

Vol'pert, L. I. Pushkinskaja Francija [Pushkin France] / L. I. Vol'pert. — 2-e izd., ispr. i dop.; internet-publikacija. — Tartu, 2010. — 570 p.

9. *Виндельбанд, В.* От Канта до Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд. — М. : Канон-Пресс, 1998. — 496 с.

Vindel'band, V. Ot Kanta do Nicshe. Istorija novoj filosofii v ee svjazi s obshej kul'turoj i otdel'nymi naukami [From Kant to Nietzsche. The history of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences] / V. Vindel'band. — M. : Kanon-Press, 1998. — 496 p.

10. *Деревянко, К. В.* Эстетика истории: Пушкин и Гегель (к постановке проблемы) / К. В. Деревянко // Філософські дослідження : зб. наук. пр. — Луганськ : Східноукр. нац. ун-т ім. В. Даля. — Вип. 14. — 2011. — 74 с.

Derevjanko, K. V. Jestetika istorii: Pushkin i Gegel' (k postanovke problemy) [Aesthetics of history: Pushkin and Hegel (to the problem statement)] / K. V. Derevjanko // Filosofs'ki doslidzhennja : zb. nauk. pr. — Lugans'k : Shidnoukr. nac. un-t im. V. Dalja. — Vip. 14. — 2011. — 74 p.

11. *Кас, Б. А.* Одиннадцать вопросов к Пушкину: маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия / Б. А. Кас. — СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2008. — 160 с.

Kas, B. A. Odinnadcat' voprosov k Pushkinu: malen'kie gipotezy s jepigrafom na meste poslesloviya [Eleven questions to Pushkin: small hypotheses with an epigraph in place of the afterword] / B. A. Kas. — SPb. : Evrop. un-t v Sankt-Peterburge, 2008. — 160 p.

LIU YANG

DEVELOPMENT OF ALEXANDER PUSHKIN'S PHILOSOPHICAL VIEWS (THE LATE 1820s—1830s)

Author affiliation. *LIU Yang* (liuyang0917@hotmail.com), *Institute of Foreign Languages of the Capital Normal University of China (Beijing, China).*

Abstract. The article examines the philosophical thoughts of A. Pushkin, explicitly and implicitly reflected in his prose of the 1820s—30s. The author's understanding of the philosophical categories "freedom", "equality" is revealed, as well as of the essence of the class struggle and the role of the masses and individuals in shaping the history of Russia. The article describes A. Pushkin's view on the place and fate of Russia in the world, its mission and future development. The poet's attitude to the problem of the oppressors and the oppressed is revealed.

Keywords: philosophy; A. Pushkin's philosophical views; liberty; equality; Russia's mission in the world.

UDC 82-121

*Статья поступила
в редакцию 12. 01. 2022 г.*

Правила оформления статей для подачи в журнал «Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта»

*Журнал принимает к изданию статьи на **русском, белорусском и английском языках.***

Авторы несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Редакция не взимает плату за опубликование научных статей.

Статьи, представленные лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство), в год завершения обучения, публикуются первоочередно.

Объем научной статьи, учитываемой в качестве публикации по теме диссертации, должен составлять не менее 0,35 авторского листа (14 тыс. печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. п. — как правило, не менее 8-ми страниц текста (но не более 12-ти), напечатанного шрифтом размером 14 пунктов через 1,5 интервала между строками). Страницы должны быть пронумерованы.

Научная статья должна включать следующие элементы:

введение;

основную часть с таблицами, графиками и другим иллюстративным материалом (при их наличии);

заключение, завершаемое четко сформулированными выводами;

список цитированных источников.

Название статьи должно отражать основную идею ее содержания, быть информативным и по возможности кратким. В заглавиях можно использовать только общепринятые сокращения.

Во введении статьи должна быть сформулирована ее цель (поставлена задача).

Обязательны ссылки на работы, не являющиеся публикациями автора. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Иллюстрации, формулы и сноски следует пронумеровать в соответствии с порядком цитирования в тексте.

Список цитированных источников располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например [1], [2] и т. д.). Все публикации на русском языке (кроме нормативных документов, архивных материалов, статистических сборников, газетных статей без указания автора, ссылок на сайты без указания конкретного материала) должны сопровождаться переводом *названия* на английский язык (приводится в квадратных скобках).

Сдавая статью в редакцию, авторы представляют:

- 1) распечатку статьи и ее электронный вариант. К статье должны быть приложены дополнительные сведения: индекс УДК в соответствии с классификатором, ключевые слова (5–10 слов или коротких ключевых фраз) на русском и английском языках;
- 2) справку об авторе:
 - а) фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском языке;
 - б) имя и фамилия автора транслитерацией в романском алфавите (взять из паспорта);
 - в) электронная почта;
 - г) контактные телефоны;
- 3) выписку из протокола заседания кафедры, включающую рекомендацию об опубликовании;
- 4) для авторов других вузов (НИИ) – рекомендательное письмо руководства своей организации;
- 5) резюме статьи на русском языке (от 100 до 250 слов). В нем должно быть отражено краткое содержание статьи: цели и задачи, методы исследования, краткий вывод. Обязательно следует представить на английском языке название статьи, текст резюме и официальное название организации, в которой учится или работает автор;
- 6) результаты проверки текста на предмет оригинальности при помощи инструмента «Антиплагиат».

Журнал включен в наукометрическую базу данных Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Индекс журнала

74838

Ответственный за выпуск *Ю. И. Енин*
Редакторы *А. В. Зенькевич, А. К. Лапуста*
Компьютерная верстка *А. А. Карнейчик*

Адрес редакции:
220070, г. Минск, просп. Партизанский, 24. БГЭУ, корп. 6, к. 19. Тел. 209-78-84
Электронная почта: vestnik@bseu.by

Подписано в печать: 14.02. 2022.
Формат 70×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 12,05. Уч.-изд.л. 12,30.
Тираж 92 экз. Заказ

УО «Белорусский государственный экономический университет»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/299 от 22.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.

Отпечатано на ротапринте БГЭУ. Лицензия полиграфическая № 02330/210 от 14.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.
